

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/18»

ЛИКВИДАЦИЯ БРЕСТСКОЙ УНИИ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ**ELIMINATION OF THE UNION OF BREST: COMMUNICATIVE ASPECT****П.В. Шевкун**
P.V. Shevkun*Витебский государственный медицинский университет,
Республика Беларусь, 210023, г. Витебск, пр-т Фрунзе, 27**Vitebsk State Medical University,
27 Frunze Avenue, Vitebsk, 210023, Belarus**e-mail: p.shevkun@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ведения монастырского хозяйства на примере экономического состояния женских монастырей Курской и Тамбовской губерний во второй половине XIX – начале XX вв. Они имели достаточно стабильное экономическое положение, так как одновременно располагали несколькими источниками дохода. Все эти источники дохода по отдельности, были нестабильными и обусловленными рядом обстоятельств, например, природными условиями, изменением демографической ситуации и пр. Практически в 100% женских монастырей были учебные заведения, которые приносили доход, состоявший из платы за обучение; все монастыри занимались рукоделием, продукты которого торговались; многие монастырские хозяйства вели сельскохозяйственную и др. деятельность.

Resume. The paper considers an economic condition of Kursk and Tambov provinces convents (in the second half of 19-th – the beginning of 20-th centuries). They had quite stable economic situation as they had some several sources of the income simultaneously. All these sources of the income were caused by change of a demographic situation, the environment or something another. Practically in 100% of convents there were profitable educational institutions. All nunneries were engaged in needlework, the product of these activity is on sell. Many conventual farms did agricultural and other activity.

Ключевые слова: Женщина, духовное сословие, монахиня, монастырь, экономика, монастырское хозяйство.

Keywords: Woman, clergy, nun, monastery, economy, monastic economy.

В первой половине XIX ст. в сфере конфессиональных отношений на территории белорусско-литовских губерний произошли знаковые перемены. В 1840 г. были объединены с православными Белорусская и Литовская униатские епархии. Это событие имело большой общественный резонанс. Его эхом стала обширная историография.¹ В работах раскрываются политические, идеологические, культурные, административные обстоятельства. Вместе с тем, ставшие уже традиционными исследовательские парадигмы, определяющие мотивы принятия наиболее значимых решений, причинно-следственные отношения, далеко не всегда успешны. В частности невозможно прийти к консенсусу относительно предпосылок данного социального явления, найти подход, в рамках которого они были бы соотнесены сообразно своей значимости. Кроме того сложно раскрыть природу проблем, с которыми сталкивались участники исследуемых событий. В данных условиях использование современных наработок в смежных с исторической наукой отраслях позволяет более глубоко проникнуть в суть происходивших событий. В частности, большим историческим потенциалом обладают исследования в рамках теории коммуникации². Ведь характер информации, пути её передачи и достигаемый эффект во многом и определяли не только мотивы, на основании которых принимались решения, но и набор реальных, а не мнимых (т.е. существующих в представлении исследователя) альтернатив.

¹ В наиболее полном виде историография по данной проблеме представлена в исследованиях Е.Н. Филатовой «Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг.», П.В. Шевкуна «Империя и церковь: российский политик в отношении православия на территории Беларуси (1796–1855 гг.), а также в коллективной работе «Канцесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.)».

² Коммуникация – это передача информации от одной социальной системы к другой, обмен информацией между различными системами посредством символов, знаков и образов (Бабосов Е.М. Общая социология: учеб. пособие. Мн., 2010. С. 372).

Цель работы: раскрыть коммуникативную составляющую процесса перевода униатов в православие в 1833–1840 гг.

На протяжении последней трети XVIII – начала XIX вв. были выработаны правила обращения в православие. Указом Сената от 1 февраля 1800 г. с желающих присоединиться, при представителе католической стороны (если переход в православие касался адепта этой конфессии), для удостоверения «добровольности» согласия, брали подписки о соблюдении всех правил православного вероисповедания. Распоряжением Св. Синода от 10 февраля 1800 г. было определено, что лицо, принимавшее требы от православного священника, должно считаться православным¹.

С сегодняшних позиций данные нормы выглядят вполне демократично. Вместе с тем, если мы посмотрим на возможности коммуникации того времени, то станет ясно, что либеральный взгляд не историчен. Абсолютное большинство подданных были не грамотны, отсутствовали средства массовой информации. В силу этого альтернативная информация религиозного плана не могла быть систематической, а значит эффективной. При условии относительно низкой плотности населения и небольшой численности жителей городов можно утверждать, что у людей не было физической и интеллектуальной возможности для конфессионального самоопределения. Отсюда либо законы принимались чиновниками слишком далёкими от реальности (что маловероятно), либо в них вкладывалось иное содержание. Фактически, приведенные выше положения о переходах подразумевали незыблемость религиозных объединений, поскольку таким путём невозможно было преодолеть корпоративную солидарность. Соответственно, конфессиональные отношения, даже с учётом возможности конфессиональной конверсии, подразумевали корпоративно-традиционалистскую коммуникацию. Она имела персонифицированный (священник), наглядно-образный (церковь) характер. Её стержневыми элементами были: сакральность, неизменность, коллективность и цельность. Вместе с тем, все эти черты, которые можно назвать традиционалистским информационным кодом, не во всём согласовывались с принципом «добровольно выраженного согласия». Он, пусть и в исключительных случаях, но допускал разрыв корпоративных связей и обладал серьёзным разрушительным потенциалом, который мог реализоваться лишь при определённых обстоятельствах.

В 1830 г. произошли революции во Франции и Бельгии. На их фоне вспыхнуло восстание в Царстве Польском, затронувшее и российские территории. В ходе подавления восстания и последующей реакции компромисс с местными элитами сменился силовыми методами утверждения господства империи². Правительство Николая I в рамках осмысления произошедшего, обоснования роли государства в социальной системе империи, прибегает к раннеационалистическим формулировкам. Их ноты уже чувствуются в манифесте от 13 июля 1826 г. «О совершении приговора над государственными преступниками (декабристами – Ш. П.)». В нём говорилось: «В Государстве, где любовь к Монархам и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа ... тщетны и безумны всегда будут все усилия злонамеренных»³. Кризис легитимности династии Романовых на присоединённых к империи землях в результате разделов Речи Посполитой, со всей очевидностью продемонстрированный восстанием, показал актуальность религиозного прочтения приведенных выше строк, когда существом «природных свойств народа» стало рассматриваться православие.

Эти представления, хотя и не выходили за рамки традиционалистского кода, поскольку не подразумевали индивидуального самоопределения, тем не менее, способствовали вольной трактовке традиции и могли легитимизировать вмешательство государства в жизнь религиозных объединений. Наивные представления о том, что православие есть некое едва ли не врожденное свойство народа, порождали иллюзии об относительной лёгкости трансформации социальных отношений с целью придачи им «большей традиционности». Ликвидация униатской церкви представлялась удобным вариантом воплощения этих представлений.

В 1833–1835 гг. Николай I инициировал массовые присоединения униатов. Внешне они были похожи на политику в этом вопросе Екатерины II. Однако масштаб и подходы были другие. В конце XVIII в. миссионерское давление на униатов проводилось на всех присоединённых от Речи Посполитой землях. Политика была простой. В ответ на восстание 1794 г., императрица показала, что и её гарантии не так уж тверды. Началось разрушение корпоративных связей униатских общин. Для этого, коммуникативных ресурсов хватало. Однако для создания на их месте устойчивых православных общин уже нет. Нарушение традиционных связей не могло привести к созданию «новой» традиции, кроме того не хватало кадров и средств. Как отмечал в 1797 г. Минский губернатор З.Я. Корнеев новообращённые, «увидели себя вдруг аки осиротевшими и отчуждёнными от всякого сообщества ибо за строгим запрещением унитским попам давать требы прихожанам благочестивых церквей не принимают их нигде в праздники и по другим селениям»⁴.

¹ Рункевич С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832). СПб., 1893. С. 564

² Долбиллов М.Д., Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 100

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. I. (1826). № 464. С. 773

⁴ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 815. Л. 2–5

В отличие от своей предшественницы Николай I предпринял эксперимент по преимуществу на территории специально созданной для этого 30 апреля 1833 г. Полоцкой православной епархии (Виленская, Витебская и Курляндская губернии), а не на всей территории Белорусской и Литовской униатских епархий. Кроме того никаких громких воззваний не делалось. 23 сентября 1833 г., затем 6 января 1834 г. Николай I указал Св. Синоду «подтвердить (Полоцкому епископу – Ш. П.) действовать осторожно и неторопливо»¹. Это позволяет утверждать, что император не стремился к разрушению униатских общин. Они, вероятно, рассматривались как по существу православные, надо было лишь изъять из них ненужные элементы и заменить новыми (одно духовенство на другое).

Происходит максимальная мобилизация коммуникативных ресурсов православных епархий и царской администрации в регионе. На аудиенции у императора назначенный на Полоцкую кафедру Смарагд (Крыжановский) получил наставления о необходимости энергичных действий по присоединению униатов². Генерал-губернатор, Витебский военный губернатор Н.И. Шрёдер обязаны были оказать миссионерам государственную поддержку. На лиц, занимавших должности чиновников по особым поручениям при главах губерний (учреждены 7 ноября 1833 г.), возлагалась обязанность координации действий духовенства и администрации³.

На благоустройство церквей и монастырей казна выделила десятки тысяч рублей⁴. В 1834 г. вышло распоряжение о постройке православных соборов в уездных городах Виленской губернии⁵. В 1834 г. Комиссия духовных училищ приняла решение об открытии в Полоцке духовного училища первого разряда⁶. Приспособление к православному богослужению бывших униатских храмов и каплиц было сопряжено со значительными расходами казённых средств. В русле этой политики ремонтировались и строились церкви, выделялись деньги на «первоначальные нужды» присоединённых к православию церквей⁷.

Уже в первый месяц нахождения Смарагда на кафедре было присоединено более трёх тысяч униатов⁸. В январе 1834 г. епископ разрешил присоединять без его предварительного согласия. Переписка существенно удлиняла процедуру. Специфика же информации, заключавшей в себе традиционалистский код, состояла в её неэластичности, в неспособности взаимодействовать с различного рода «посторонней» информацией, рождала индивидуальные парадигмы поведения. Поэтому важно было быстро, под личным нажимом, добиться нужного согласия и провести процедуры, после которых возврат к прежнему состоянию был невозможен. В начале 1834 г. количество приходов епархии превысило 90⁹.

Тем не менее, картина выглядела не слишком обнадеживающе. Переходы происходили в основном в имениях не католических помещиков. Таких владений в крае было мало (не более 2%). Поэтому основной упор был сделан на крестьян государственных имений¹⁰. Подобная практика являлась следствием не только прагматических соображений. Рамки традиционалистской коммуникации, даже при условии внесения в неё национальных коннотаций, не позволяли радикально преобразовать конфессиональное пространство. Присоединения в имениях помещиков не католиков ещё раз подтверждают, что у властей в Санкт-Петербурге не было стремления разрушать униатские общины, в которых ключевую роль наряду с духовенством играли владельцы имений. Уровень воздействия миссионеров на униатскую паству не подразумевал, в представлениях высших властей, значимых противоречий с ними, поскольку ожидалось, что будет зафиксировано массовое желание униатов принять православие. Не случайно император ответил отказом на представление обер-прокурора Св. Синода о желательности сделать общее воззвание к униатам о присоединении, что неизбежно привело бы к серьёзным конфликтам с помещиками, император написал¹¹. Даже тогда, когда 7 декабря 1834 г. было составлено обращение к императору дворянства Витебской губернии, подписанное 172 помещиками, о злоупотреблениях в процессе обращения униатов в православие, власти не предприняли никаких репрессивных действий¹².

На местах непосредственные участники событий рассматривали все установки властей как далёкие от реальности. Православным хотелось просто разрушить униатские общины, наподобие

¹ Чистович И.А. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православною церквью западно-русских униатов СПб., 1889. С. 19–21

² Глубоковский Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский, (–1863.11.11) его жизнь и деятельность. СПб., 1914. С. 76, 77, 467

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 4461. Л. 1, 4 об., 24, 25, 27 об.

⁴ Глубоковский Н.Н. Указ. соч. С. 79, 97, 112

⁵ Письмо епископа Полоцкого Смарагда к князю Н.Н. Хованскому 23 сентября 1834 г. // Русский архив. 1891. Кн. 8. С. 429.

⁶ Савваитов Г.И. Обзор духовно-училищных обозрений по ведомству Православного исповедания с 1832 по 1845 гг. // ОР РНБ. Ф 550. Л. 116

⁷ Глубоковский Н.Н. Указ. соч.. С. 133, 473; РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 711. Л. 29

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 114. Д. 711. Л. 2

⁹ Глубоковский Н.Н. Указ. соч. С. 122, 125

¹⁰ Луговцова С.Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX ст.: Дис. ... канд. ист. наук: Минск, 1999. С. 56

¹¹ Шавельский Г.И. Последние воссоединения с православной церквью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910. С. 96

¹² Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 154

того как это делалось при Екатерине II. В условиях отсутствия альтернативы населению просто бы пришлось смириться с организацией новых православных приходов. Власти рассматривали все эти миссионерские действия как непонятную игру с их участием. Если правительство убеждено в том, что униаты по существу православные, то значит надо взять их и объявить православными. Подобное предложение, впрочем, отклонённое кабинетом министров, сделал генерал-губернатор Н.Н. Хованский в начале 1833 г.¹

Стремление действовать в соответствии с правительственными установками ограничивалось и наличными коммуникативными ресурсами, важнейшим среди которых являлось духовенство. Было сложно проводить ответственную (когда на месте прежней униатской создавалась полноценная православная община) миссионерскую работу. Уже с 1833 г. епископ Смарагд начал обращаться к соседним архиереям, а затем и в Св. Синод о присылке священно и церковнослужителей в епархию. Однако низкая привлекательность служения в регионе обусловила и низкую результативность этих попыток².

Указанные выше обстоятельства обусловили проблемы в новообразовавшихся приходах. Общины оказывались не устойчивыми. В июле 1834 г., было разослано указание архиереям, чтобы духовенство не приступало самостоятельно к присоединению целой униатской деревни, а сообщало гражданской администрации³. В этом же году волнения происходили в Витебске, Городке, Езерище, Крапутах, Заборье, Шерстове⁴. Важнейшей составляющей эффективного информационного воздействия является его регулярность. Только при наличии духовного лица можно было говорить о нормальной коммуникации в рамках религиозной общины. Так, Н.Н. Хованский 19 сентября 1834 г. просил епископа Смарагда определить в г. Городок ещё одного священника, так как «многие новоприсоединившиеся из унии жители г. Городка, ... не далеки от того чтобы отпасть паки в прежнее униатское заблуждение»⁵.

В 1835 г. Св. Синод сделал распоряжение православным архиереям западных губерний, «чтобы местное греко-российское духовенство строго наблюдало за своими прихожанами и при малейших поползновениях их к отпадению от Господствующей веры употребляло должные меры убеждений и внушений»⁶. Губернатор Шрёдер 26 февраля 1835 г. писал: «нужно, чтобы духовенство не преступало ни к каким действиям, не предварив о том наперёд начальника губернии»⁷. О «духе неудовольствия против правительства» в связи с «продолжающимися распоряжениями к обращению унии в православие» писал в своих отчётах императору начальник Третьего Отделения императорской канцелярии граф А.Х. Бенкендорф⁸.

К 1836 г. наличные коммуникативные ресурсы, при условии сохранения общин, были исчерпаны. Перед правительством стояла дилемма: либо отказаться от проводимой политики, либо задействовать дополнительные ресурсы, а они имелись в наличии только у униатской стороны⁹. В первом случае это означало бы признание не способности государства к трансформации корпоративных структур и фактическому отказу в значимой сфере социальных отношений от своей модернизирующей функции. Вместе с тем униатский проект законодательно не был предусмотрен, поскольку допустимыми рассматривались лишь переходы в результате миссионерской деятельности. Согласие на «униатский проект» означало, что государство вынуждено нарушить обязательство по сохранению корпоративных структур. В частности, данное католической стороне, поскольку униатские епархии являлись составной частью католической церкви.

Был и ещё один неудобный момент. Становилось очевидным, что ранненационалистические выводы являются не более чем иллюзиями, используемыми для обоснования «модернизации». Привлечение новых идей позволяло заглянуть в основание традиции, на истоки, которые впоследствии, как казалось, были искажены. Имеются в виду представления об истинности православия и его начальном распространении на белорусско-литовских землях. Так, под видом «корректировки традиции», её «исправления» фактически выхолащивалось содержание этой самой традиции, а именно передача из поколения в поколение истин. Поэтому, казалось бы, действия униатов и вписывались в эти представления, но не целиком и не так как хотелось бы власти (ведь общенародного выражения согласия на переход не подразумевалось). Слишком уж очевидно становилось, что это сделка, а не идейный порыв простых униатов в духе властных представлений.

¹ Шавельский Г.И. Указ. соч. С. 76

² РГИА. Ф. 796. Оп. 114. Д. 711. Л. 21–23, 39, 39 об.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 1901. Л. 1

⁴ Дело о перешедших из унии в православие. 1834 г. // Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. СПб.: Синод. тип., 1907. Т. 2. Д. 3348. С. 1026.

⁵ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 3774. Л. 1, 1 об.

⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 10985. Л. 1а – 2 об.

⁷ Глубоковский Н.Н. Ук. соч. С. 133, 178, 182

⁸ Обзорение расположения умов за 1836 г. // Россия по надзору. Отчёты III отделения 1827–1869 гг. М., 2006. С. 146.

⁹ В рассматриваемое время часть высшей униатской иерархии выступила с идеей централизованного вхождения в состав православной церкви империи. Наиболее активный сторонник и её фактический автор Литовский епископ Иосиф (Семашко) прилагал максимальные усилия с целью убедить высшее российское руководство в перспективности именно такого варианта решения униатского вопроса.

Тем не менее, И. Семашко активно пользовался новой терминологией. В своих Записках он пишет: «... я желал бы видеть полтора миллиона истинно Русского народа (униаты – Ш.П.), ежели не соединённым, то по крайней мере приближенным, ежели не совершенно дружным, то и не враждебным к старшим своим братьям!»¹. Не смотря на это было очевидно, что присоединение народа без участия самого народа выхолащивало содержащийся пусть слабый, но демократический контекст.

Вместе с тем, И. Семашко и его сторонники постарались показать корпоративное единство. Выразилось это сбором расписок с духовенства о согласии на присоединение к православию. В них специально оговаривалось, что священник даёт своё согласие только при условии коллективного иерархического перехода. Такие подписки собирались до конца 1839 г.² Кроме этого конфликты униатов с миссионерами, отказ многих представителей духовенства от перехода даже в условиях принятия православия своими прихожанами, поддержка со стороны епископата действий духовенства по сохранению приходов, демонстрировали силу церкви-клира. Сходное впечатление производили и судебные процессы, связанные с возвращением в православие отпавших прихожан из ранее обращённых, зачастую превращавшиеся «в тяжбы, длительные и бесполезные, с польской стороной»³.

В результате в Санкт-Петербурге возобладала линия, признающая роль и значение униатской иерархии. Ограниченность коммуникативных ресурсов, не способность выйти за рамки традиционного информационного кода, не смотря на использование ранненационалистических формулировок, обусловили отказ правительства от миссионерского проекта в пользу униатского. Институциональное выражение это нашло в смене должностных лиц. Осенью последовали отставки и местных государственных чиновников. 15 сентября вместо Н.Н. Хованского генерал-губернатором был назначен П.Н. Дьяков. 17 сентября на место Витебского губернатора Н.И. Шрёдера был прислан И.С. Жиркевич. 5 июня 1837 г. архиепископ Полоцкий Смарагд был переведён в г. Могилёв⁴.

1 января 1837 г. греко-униатская коллегия вошла в ведомство обер-прокурора. Это событие явилось окончательным институциональным выражением ориентации правительства на план униатской иерархии⁵. В записке от 4 января 1837 г. И. Семашко отметил, что наступает новая эпоха⁶. С этого момента правительство взяло на себя ответственность за сохранение униатской иерархии. Окончательное решение о вхождении униатских епархий в состав православной церкви принималось 22 и 26 декабря 1838 г.⁷ 28 декабря император принял окончательное решение о присоединении⁸. В феврале – марте 1839 г. был оформлен переход униатской иерархии и прихожан в православие. В 1840 г. объединены и епархии.

Для определения произошедших событий стал использоваться термин «воссоединение». Он имел компромиссный характер. С одной стороны была привязка к модным представлениям о возможности «корректировки» традиции. «Отторгнутые насильем 1596 воссоединены любовью 1839» гласила надпись на медали, отчеканенной в память об этом событии. Также католической стороне давали понять, что отношение к униатству не является прецедентным и носит чрезвычайный характер. С другой стороны, нивелировались демократические иллюзии, поскольку «воссоединение» касалось церквей, а не массового народного движения.

Только во второй половине XIX в. «воссоединение» было вписано в националистическую триаду «Православие. Самодержавие. Народность». Однако, сделано это было путём представления униатского плана просто как технически более удобного, в определённых исторических обстоятельствах, выражения русскости. Разумеется, в рассматриваемое время подобных смысловых оттенков не существовало.

Несовпадение состоявшегося перехода униатов в православие с имевшимися у образованной части российского общества ранненационалистическими представлениями обусловило и их отношение к православию в регионе. Епископ Полоцкий Василий (Лужинский) в своих записках приводит слова генерал-губернатора С. Игнатьева «большая часть крестьян не только не знает ни одной молитвы, но даже на вопрос, какой веры, отвечает: новой веры, и при дальнейшем объяснении прибавляет: прежде были польской, а теперь, кажется, русской»⁹. В этих словах довольно наглядно проиллюстрировано это несовпадение. Вряд ли для населения были значимыми последствия 1839 г. Народное восприятие религии каким было таким и осталось. Для крестьян все эти перемены были внешними, их общинные религиозно-обрядовые традиции остались прежними.

¹ Семашко И. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: в 3 т. СПб., 1883. Т. 1. С. 44

² Глубоковский Н.Н. Указ. соч. С. 347

³ Вибе И.Н. Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае: 1830–1855; Дис. ... канд. ист. наук СПб., 2009. С. 74

⁴ Глубоковский Н.Н. Указ. соч. С. 235

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XII. (1837). № 9825. С. 1

⁶ Семашко И. Указ. соч. Т. 1. С. 3–5

⁷ Мнение митрополита Филарета о воссоединении греко-униатской церкви в России с восточно-кафолической российской церковью. 16 декабря 1838 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета Митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам: в 6 т. СПб., 1885. Т. II. С. 446–451.

⁸ Письмо от 28 декабря 1838 г. // Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I (1838–1839 гг.) М., 2008. С. 247.

⁹ Лужинский В. Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого. Казань, 1885. С. 235, 236

Именно это безразличие, отторжение традиционным сознанием всех изменений, новшеств, и веет в приведенном отрывке. Однако для представителя образованной части общества такой ответ был свидетельством именно слабой веры, так как переход не соответствовал пусть в минимальной допустимой степени индивидуальному религиозному самоопределению, который угадывался за представлением о православии как выражении «природных свойств народа». Люди не сами в дружном порыве приобщились к «благочестию», а за них это сделали. Значит, они не тверды в вере. Подозрительные отношения к православию белорусско-литовских епархий получало дополнительное, современное обоснование.

Таким образом, на протяжении 1830-х гг. на территории западных губерний Российской империи вначале были проведены мероприятия по присоединению униатов к имеющимся православным приходам, а затем по объединению Белорусской и Литовской униатских епархий с православными. Принимая во внимание то, что церковь в социальном плане является коммуникативным ресурсом, занимающимся производством, трансляцией и кодировкой информации, данные события могут быть рассмотрены с использованием теории коммуникации. Во-первых, заинтересованность российских властей в усилении православия в регионе была вызвана возросшей коммуникативной нагрузкой на церковь, которая являлась единственным, имеющимся в руках государства универсальным средством сбора информации о подданных, информационного обмена с ними, поддержания необходимого уровня легитимности. Во-вторых, действия участников рассматриваемых событий во многом определялись коммуникативными возможностями общества, ценностными установками «закодированными» в информационных потоках того времени. В 1833–1835 гг. на территории специально образованной Полоцкой православной епархии происходили активные миссионерские действия в отношении униатов. В силу отсутствия иных коммуникативных возможностей (средств массовой информации) и безграмотности населения, права выбора, основанного на индивидуальном самоопределении, не существовало. Миссионерские действия являлись своего рода «игрой», целью которой было обеспечить, с одной стороны, соответствие принятым ранее законам, с другой, воплотить идею о православии как сущностной характеристике народа. Традиционалистский информационный код, дополненный такой ранненационалистической трактовкой, предполагал вольное отношение к традиции под видом её корректировки. В результате перед миссионерами стояла просто невыполнимая задача. Обеспечить массовый переход в православие, не нарушая устоявшихся корпоративных связей. В силу этого, переходы, в абсолютном большинстве, произошли лишь в государственных имениях и имениях принадлежавших некаатолической аристократии.

В 1836 г. правительство было вынуждено склониться к плану, предлагаемому лояльно настроенными к российской власти и православной церкви униатскими иерархами. Он заключался в корпоративном вхождении епархий на определённых условиях в состав православной церкви империи. Этот подход не был законодательно предусмотрен и мог рассматриваться католической стороной как нарушение данных ей привилегий. Кроме того он демонстрировал несостоятельность представлений николаевского правления о православии, поскольку исключал непосредственное участие прихожан. Тем не менее, только при содействии униатской стороны, обладавшей необходимыми коммуникативными ресурсами, можно было добиться поставленной цели. В результате в 1839–1840 гг. было оформлено присоединение униатских епархий к православной церкви. Включение же этих событий в российскую националистическую информационную парадигму состоялось лишь во второй половине XIX в.

Библиография

- Бабосов Е.М. Общая социология: учеб. пособие. Минск: Изд-во ТетраСистемс, 2010.
- Вибе И.Н. Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае: 1830–1855.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
- Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002.
- Глубоковский Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский (–1863.11.11), его жизнь и деятельность. СПб.: Изд-во Тип. М. Меркушева, 1914.
- Долбилов М.Д., Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М.: Изд-во Новое литературное обозрение, 2006.
- Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Изд-во Новое литературное обозрение, 2010.
- Извеков Н.Д. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко) митрополит Литовский и Виленский. Вильна: Изд-во Печ. А.И. Снегирёвой, 1889.
- Капфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.). Мінск: Изд-во Экаперспектыва, 1998.
- Капшелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Изд-во Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
- Лутовцова С.Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX ст.: Дис. ... канд. ист. наук: Минск, 1999.
- Лужинский В. Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого. Казань: Изд-во Тип. имп. ун-та, 1885.

Семашко И. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: в 3 т. СПб.: Изд-во Тип. Имп. Акад. наук, 1883. Т. 1.

Чистович И.А. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православною церковью западно-русских униатов СПб.: Изд-во Синодальная типография, 1889.

Шавельский Г.И. Последние воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб.: Изд-во Тип. «Сельского вестника», 1910.

References

Babosov E.M. *Obshhaja sociologija: ucheb. posobie*. Minsk: Izd-vo TetraSystems, 2010.

Vibe I.N. *Veroispovednaja politika samodержavija v Zapadnom krae: 1830–1855: Dis. ... kand. ist. nauk*. SPb., 2009.

Vishlenkova E.A. *Zabotjas' o dushah poddannyh: religioznaja politika v Rossii pervoj chetverti XIX v.* Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2002.

Glubokovskij N.N. *Vysokopreosvjashhennyj Smaragd (Kryzhanovskij), arhiepiskop Rjazanskij (–1863.11.11), ego zhizn' i dejatel'nost'*. SPb.: Izd-vo Tip. M. Merkusheva, 1914.

Dolbilov M.D., Miller A.I. *Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii*. M.: Izd-vo Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.

Dolbilov M.D. *Russkij kraj, chuzhaja vera: jetnokonfessional'naja politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. M.: Izd-vo Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.

Izvekov N.D. *Vysokopreosvjashhennyj Iosif (Semashko) mitropolit Litovskij i Vilenskij*. Vil'na: Izd-vo Pech. A.I. Snegirjovoj, 1889.

Kanfesii na Belarusi (k. XVIII–XX st.). Minsk: Izd-vo Jekaperspektyva, 1998.

Kappeler A. *Rossija – mnogonacional'naja imperija*. M.: Izd-vo Progress-Tradicija, 2000. 342 s.

Lugovcova S.L. *Politika rossijskogo samodержavija po otnosheniju k dvorjanstvu Belarusi v konce XVIII – pervoj polovine XIX st.: Dis. ... kand. ist. nauk*: Minsk, 1999.

Luzhinskij V. *Zapiski Vasilija Luzhinskogo arhiepiskopa Polockogo*. Kazan': Izd-vo Tip. imp. un-ta, 1885.

Semashko I. *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdanne Imperatorskoj Akademiej nauk po zaveshhaniju avtora: v 3 t.* SPb.: Izd-vo Tip. Imp. Akad. nauk, 1883. Т. 1.

Chistovich I.A. *Pjatidesjatiletie (1839–1889) vossoedinenija s pravoslavnoju cerkov'ju zapadno-russkih uniatov* SPb.: Izd-vo Sinodal'naja tipografija, 1889.

Shavel'skij G.I. *Poslednie vossoedinenie s pravoslavnoj cerkov'ju uniatov Belorusskoj eparhii (1833–1839 gg.)*. SPb.: Izd-vo Tip. «Sel'skogo vestnika», 1910.